

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О «РУССКОМ ГЮГО»*

Жизнь и творчество Виктора Гюго изучают с давних пор, прежде всего, конечно, во Франции, но и далеко за ее пределами, литература о нем насчитывает сотни, а может быть, и тысячи исследований и непрерывно пополняется. Это книги, статьи, публикации вновь обнаруженных документов, главы компендиумов, биографические справки, предисловия и комментарии к его романам и поэтическим сборникам. Процесс этот то ослабевает, то достигает впечатляющей силы, но не прекращается, что вряд ли случится и в обозримом будущем.

Другое дело — тип этих исследований, их характер и объем: фундаментальных трудов о судьбе крупного иностранного писателя в иноязычной стране предпринимается и выходит сравнительно немного, что неудивительно, поскольку собирание материала для них, его обдумывание и создание текста требуют серьезных и длительных усилий, причем иногда занимают долгие годы. Именно к таким трудам и относится рецензируемая книга французского слависта Мирьям Трюэль, посвященная «русской судьбе» Виктора Гюго на протяжении почти двух веков.

Случай этот довольно редкий: обычно к подобным темам обращаются исследователи, живущие и работающие в странах-рецепторах, где сосредоточен весь необходимый им книжный и архивный материал; само собой разумеется, что, кроме родного языка, они владеют языком, на котором писал интересующий их автор, но не более того. Между тем данная книга написана французским славистом, правда, прожившим ряд лет в России и прекрасно знающим русский язык, защищена в качестве докторской диссертации в Лилльском университете и издана при поддержке Центра изучения иностранных цивилизаций, языков и литературы названного университета.

Книга М. Трюэль, согласно законам жанра (которые соблюдаются далеко не всегда), задумана как полный обзор и осмысление всех, по возможности, фактов, составляющих историю восприятия и изучения в России и СССР творчества Виктора Гюго — переводов сочинений, их адаптации, оценки литературных критиков,

суждений писателей, читательских откликов, даже театральных постановок. Реализовать столь обширный замысел было нелегко, а существовавшая к тому времени специальная литература была совершенно недостаточной. Самыми значительными и полезными трудами, на которые могла опереться автор книги, были две публикации 1937 года, вошедшие в том 33–34 «Литературного наследства»: большая и насыщенная не известным тогда печатным и рукописным материалом статья М. П. Алексеева (в 1985 году она была переиздана в одном из выпусков избранных трудов ученого, о чем М. Трюэль, по-видимому, не знала) и раздел о цензурных злоключениях Гюго в обстоятельном очерке И. Я. Айзенштока «Французские писатели в оценках царской цензуры», а из более поздних — превосходная немецкая монография Герды Ахингер «Виктор Гюго в литературе пушкинского времени (1823–1840)», увидевшая свет в 1991 году.

Однако этими, пусть и очень ценными, трудами знакомство М. Трюэль с научной литературой о русской рецепции Гюго, естественно, не ограничивается: ей хорошо известно и все то, что было сделано в этом отношении специалистами по творчеству Льва Толстого и Достоевского, не прошла она мимо защищенной в 1984 году диссертации Н. Я. Орешинной о прозе Гюго в России и ее объемной статьи на эту тему, а также мимо многих других работ и заметок, прямо или косвенно относящихся к интересующей ее проблематике и опубликованных в разное время в сборниках и ученых записках в столицах и провинциальных городах. И все же ее личный вклад в создание «материального фундамента» рецензируемой книги огромен и ее достижения по этой части неоспоримы.

Полнота использованного материала в сравнительных исследованиях такого масштаба, конечно, необычайно важна, она позволяет воссоздать судьбу иностранного автора в «чужой» культуре без существенных пропусков и досадных лакун, а следовательно, без сознательных или невольных искажений «культурного трансфера», нередко обесценивающих даже самые блестящие открытия и теоретические построения. Иной возможности решить подобную задачу добросовестно и убедительно, кажется, просто нет.

* *Truel M. Victor Hugo en Russie et en URSS. Paris: Classiques Garnier, 2021. 488 p.*

Достоинства книги этим, разумеется, не исчерпываются. В каждой ее части, в каждом разделе и каждой главе видна не только энергия фактографа, но и напряженная работа мысли: перед нами хорошо продуманная эволюция постижения в России и СССР творчества Гюго почти во всем его объеме. И это при неоднократной смене «исторического контекста»: самые ранние признаки интереса к писателю датируются 1830-ми годами, самые поздние из затронутых в книге — отражение современных представлений и культурных ориентаций. Отделить «русский путь» Гюго от общественного фона невозможно, и автор книги это отчетливо сознает.

Судьба творчества, а затем литературного наследия Гюго в России и СССР рассматривается в издании всесторонне: в поле зрения М. Триюзль работа переводчиков, труд комментаторов, деятельность издателей, оценки критиков, реакция читателей, филологические штудии, адаптация его произведений для юношества и детей, создание «с помощью Гюго» учебных пособий, постановки его драм на русской сцене и т. д. и т. п. Но всестороннее освещение не означает освещения равномерного: в центре внимания все же находится проза Гюго, а поэзия и драма оказываются во втором плане, что можно объяснить как их меньшей известностью русской читающей публике и театральным зрителям, так и трудностями анализа их переводов: многие общие характеристики и конкретные наблюдения автора в данной связи содержательны и глубоки, но преодолеть «сопротивление материала» ей удается далеко не всегда. Во всяком случае, для русских читателей Гюго был в первую очередь автором «Собора Парижской Богоматери», «Отверженных», «Девяносто третьего года», «Человека, который смеется» и «Тружеников моря» и лишь затем «Возмездия» и «Грозного года», не говоря уже о «Созерцаниях» и «Легенде веков».

Серьезным достоинством книги М. Триюзль является ее антидогматичность, автор разрушает клише и стереотипы, прочно вошедшие в русский культурный и научный обиход, в силу которых Гюго, если речь шла о дореволюционном времени, без достаточных оснований изображался жертвой царской цензуры: российские власти действительно нередко усложняли путь к его творчеству русских людей, но и в советское время переводчикам нередко приходилось сокращать и уродовать текст его романов, а авторам вступительных статей и послесловий проявлять — вполне оправданную — осторожность.

Вообще столь типичное для советской эдической практики «улучшение» (или, что то же самое — «искажение») текста Гюго по идеологическим и эстетическим причинам прослеживается автором книги с большой тщательностью и не столько осуждается (что во многих случаях было бы вполне справедливо), сколько объясняется: М. Триюзль на большом количестве примеров показывает, в какой мере введение Гюго в советский литературный пантеон,

иными словами признание его зарубежным писателем-классиком, делало почти обязательными отнесение его к «прогрессивным» романтикам, а иногда к критическим и даже социалистическим реалистам, и приспособление его наследия к господствующим нормам и канонам, сколь сильно ни отличались бы они от полета его мысли и его поэтического языка.

Своеобразной формой приспособления наследия Гюго к потребностям советской детской (в широком смысле) литературы были сокращенные и облегченные версии его романов, всевозможные извлечения из них, а также рассказы и повести, навеянные некоторыми их эпизодами; в большинстве своем с этой целью использовались «Отверженные», по преимуществу части и главы, героями которых были маленькая Козетта и Гаврош. Традиция, освященная именем Толстого, восходившая ко второй половине XIX века, к лубочным изданиям и дешевым книжным сериям, теперь вызвала к жизни массовое явление: десятки таких адаптаций издавались и переиздавались почти непрерывно начиная с 1930-х годов, и их поток не иссякал до конца века, в процесс этот было вовлечено множество переводчиков и преподавателей французского языка, которые в основном обрабатывали, каждый на свой лад, одни и те же фрагменты романов Гюго, фактически иногда превращая их, по меткому замечанию М. Триюзль, досконально изучившей всю эту колоссальную печатную продукцию, в «советские рассказы».

По обилию материала раздел этот, несмотря на его перенасыщенность библиографическими сведениями, подчас уподобляющимися его библиотечному каталогу, — один из самых удачных в книге. Кажется, никогда еще не освещался со столь исчерпывающей полнотой этот примечательный эпизод отечественной культурной жизни и вместе с тем — немаловажный элемент государственной политики в области воспитания молодежи и школьного образования, элемент если и не уникальный, то вряд ли еще где-нибудь представленный столь масштабно.

Выше уже отмечалось, что в основе данного труда лежит огромное множество различных источников. Однако, как ни велик их круг, можно все же с сожалением констатировать фактическое отсутствие в нем издававшегося в Петербурге с 1832 по 1863 год французского журнала «Revue étrangère», в котором имя Гюго встречалось неоднократно. Это тем более странно, что журналу этому как посреднику в приобщении русских образованных читателей к творчеству Гюго уделена внимание Г. Ахингер, с монографией которой М. Триюзль была хорошо знакома. Отметим попутно, что параллельного русского названия у «Revue étrangère» не было, и, следовательно, переводить его название, как это сделано в указателе периодических изданий и издательстве, не было никакого смысла.

Названия русских журналов и газет М. Триюзль приводит только в переводе на французский язык и в транскрипции. С этим, однако,

трудно согласиться: переводить названия вообще вряд ли стоило, а взамен следовало дать эти названия — в тексте или хотя бы указателе — в их оригинальной версии. Во всяком случае, именно так обычно решается этот вопрос в наших историко-филологических изданиях академического толка, и этот опыт, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания.

Все без исключения цитаты из русских источников (переводов, пояснительных текстов, книжных, журнальных и газетных статей) приводятся в книге по-французски и лишь иногда отдельные слова и выражения повторяются в русской транскрипции. С этим приходится смириться, хотя тому, кто владеет французским недостаточно, знакомство с книгой сильно затруднено; к тому же весь научный аппарат оформлен соответственно, вследствие чего такой читатель должен каждый раз производить его «дешифровку».

Некоторые утверждения и замечания в тексте вызывают недоумение: о пролетарском поэте и критике Г. В. Якубовском (см. р. 275) была написана диссертация, И. И. Анисимов (см. там же) был весьма видным в свое время специалистом по французской литературе, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Особенно удручает справка о В. Т. Шаламове (см. р. 267), замечательном русском писателе, трагическая судьба которого, по-видимому, осталась автору книги неизвестной.

Из встречающихся в книге неточностей отметим графский титул Е. М. Хитрово (ср.

р. 72), который эта близкая знакомая А. С. Пушкина носила лишь в первом браке с Ф. И. Тизенгаузенем, а ее второй супруг Н. Ф. Хитрово никакого титула не имел; А. И. Кирпичников в 1885–1894 годах был профессором Новороссийского университета, находившегося в Одессе (ср. р. 147); фамилия советского писателя, в молодые годы участника литературного объединения «Серапионовы братья» — Слонимский (ср. р. 274); Э. Л. Фельдман, вошедшая в литературу под фамилией Линецкая (см. р. 392), — выдающийся отечественный переводчик, среди шедевров которой немало переводов из поэзии Гюго. Заглавие известного романа Р. Джованьоли (ср. р. 272) — «Spartaco» (во французской огласовке — «Spartacus»).

В заключение следует отметить наличие в книге нескольких указателей, что можно только приветствовать, поскольку это облегчает ее чтение и, в особенности, обращение к ней с научными целями; надо только напомнить, что имя А. С. Суворина — Алексей, имя М. В. Толмачева — Михаил, а имя Жорж Санд — George, в отличие от общепринятого французского его написания. Наконец, непонятно, как в указателе имен, наряду с реально существовавшими людьми, попали герои романов Гюго — Эсмеральда, Феб, Жан Вальжан, Мириэль, Козетта, Гаврош, Жилиат и Гуинплен.

Все это, однако, мелкие погрешности, никак не влияющие на общую, безусловно положительную оценку рецензируемого труда.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-282-283

© И. З. Сурат

НОВОЕ О МАНДЕЛЬШТАМЕ*

Книга Л. М. Видгофа продолжает ряд предыдущих трудов автора, посвященных вопросам биографии и творчества О. Э. Мандельштама;¹ на фоне немногочисленных мандельштамовских монографий юбилейного года (130 лет со дня рождения поэта) она выделяется как высокопрофессиональное и добросовестное историко-литературное исследование. Сборник со-

ставлен из разнородных материалов — это статьи об отдельных стихотворениях, публикации новонайденных мемуаров о Мандельштаме с сопроводительными текстами и комментариями, фактографическое, основанное на архивных документах разыскание о связях Мандельштама с писательским объединением «Литературный особняк» и две статьи для нового издания «Мандельштамовской энциклопедии». Часть этих работ была обнародована в журналах и на интернет-порталах, другая часть в этой книге публикуется впервые. Все материалы расположены по хронологии мандельштамовской жизни, так что читатель сборника имеет возможность пройти путь от одного из самых ранних стихотворений поэта до его последней зимы 1937–1938 годов в Калининне перед вторым арестом.

Наибольший интерес из всего перечисленного представляют доселе не известные мему-

* Видгоф Л. М. Осип Мандельштам в разных ракурсах. Статьи и мемуары. М.: Водолей, 2021. 212 с.

¹ Видгоф Л. М. 1) «Но люблю мою курву Москву...». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2013 (первые изд.: «Москва Мандельштама» — 1998, 2006); 2) Статьи о Мандельштаме. М., 2010 (2-е изд., испр. и расширенное — М., 2015); 3) Мандельштам и...: Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018.